

П.А. ГРИНЕВИЧ, А.П. БОЧАРОВА, Д.К. СТУКАЛ*

**ВАЛИДНОСТЬ ИНДЕКСОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ»:
ОТ ВЫЗОВОВ К РЕШЕНИЯМ¹**

Аннотация. Потенциал государства в развитии его «мягкой силы» – важный компонент оценки государственной состоятельности. «Мягкая сила» государства свидетельствует не только о его внешней привлекательности и неформальном влиянии на решения, принимаемые другими международными акторами; это еще и важный показатель наличия у страны потенциала для влияния на формирование наиболее благоприятной для государства внешней среды. Валидность индексов «мягкой силы» до сих пор систематическим образом не исследовалась, что является существенным ограничением на пути к практическому применению разработанных индексов в сравнительных эмпирических исследованиях. Результаты анализа валидности показали, что существующие индексы «мягкой силы» не лишены ряда проблем, таких как неизвестный или необоснованный выбор способа агрегирования данных, несоответствие прокси-переменных концептуализации, а также включение в анализ результатов опросов общественного мнения и экспертных опросов. С учетом обнаруженных проблем в

* **Гриневич Полина Александровна**, студент бакалавриата Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: pagrinevich@edu.hse.ru; **Бочарова Александра Павловна**, аспирант, младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: apbocharova@hse.ru; **Стукал Денис Константинович**, PhD, кандидат политических наук, доцент Департамента политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: dstukal@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

данной работе были сформулированы и опробованы способы их преодоления. Это, в первую очередь, измерение ресурсов «мягкой силы», опора на строгую концептуализацию, отказ от использования субъективных данных и использование метода главных компонент для более методологически обоснованного определения итоговых весов используемых признаков. Данная работа показывает пример того, как может выглядеть более валидный индекс, при этом выбор как прокси-переменных, так и возможных измерений «мягкой силы» нуждается в дальнейшем обсуждении и уточнении.

Ключевые слова: «мягкая сила»; индексы «мягкой силы»; метод главных компонент; валидность индексов; государственная состоятельность; ресурсы «мягкой силы».

Для цитирования: Гриневич П.А., Бочарова А.П., Стукал Д.С. Валидность индексов «мягкой силы»: от вызовов к решениям // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 262–281. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.12>

Несмотря на заявления ряда международных и российских экспертов о несостоятельности «мягкой силы» в современных реалиях [Soft power..., 2015; Li, 2018], потенциал государства в развитии его «мягкой силы» – важный компонент оценки государственной состоятельности [Nye, 2008]. «Мягкая сила» государства свидетельствует не только о его внешней привлекательности и неформальном влиянии на решения, принимаемые другими международными акторами; это еще и важный показатель наличия у страны потенциала для влияния на формирование наиболее благоприятной для государства внешней среды. «Мягкая сила» – термин, который не может не учитываться в анализе эффективности внешней политики государства, невзирая на режимные или военные изменения в изучаемых странах.

Начиная с первых работ, посвященных понятию «мягкой силы», исследователи предпринимали попытки измерить данный показатель в межстрановой и временной перспективе [Hall, 2010]. В число крупных исследований на эту тему входят проекты по созданию индексов «мягкой силы», разработанные рядом коммерческих организаций и научных центров (см. далее в тексте). При этом вопрос валидности существующих индексов «мягкой силы» остается открытым. При беглом сравнении индексов за одинаковые временные периоды исследователь обнаружит, что одни и те же страны занимают разные позиции: так, в индексе Elcano Global Presense Index за 2019 г. четверку лидеров составляют США, Китай, Германия и Великобритания; в индексе Soft Power 30 за тот

же год лидирующие позиции занимают Франция, Великобритания, Германия и Швеция. Чем обоснованы различия в позиционировании стран? Авторы данной работы выдвигают несколько предположений о причинах существующей проблемы.

Причина различий в оценке «мягкой силы» носит практический характер: разработчиками существующих индексов являются околосударственные аналитические центры, которые выполняют политические исследования по заказу органов государственной власти и международных организаций. К числу таких центров относятся, в частности, разработчик индекса Elcano Global Presence Index Королевский институт Элькано¹. Вторую группу авторов индексов составляют коммерческие консалтинговые компании, в том числе Portland Communications и Brand Finance. Как в первом, так и во втором случае мы можем столкнуться с рядом методологических проблем при анализе индексов: так, Галларотти [Галларотти, 2020] отмечает, что в ряде проектов по созданию индексов «мягкой силы» зачастую не решен вопрос корректной стандартизации и выбора весов, а также продолжается дискуссия о фактических показателях «мягкой силы». В частности, мы не можем с точностью ответить на вопрос, опирались ли указанные выше аналитические центры, выполняя государственные заказы, исключительно на объективную статистику, или существует риск некорректной расстановки весов или нерепрезентативной выборки для получения определенного заранее заданного результата. Мы также допускаем, что коммерческие компании, разрабатывающие индекс, исходят из перспектив развития на международных рынках определенных коммерческих продуктов, которые производит заказчик – а следовательно, индексы могут отражать лишь частную, отраслевую ситуацию. Эту идею подтверждает и исследование Е. Харитоновой, которая упоминает ориентацию создателей индексов на маркетинговые стратегии [Харитонова, 2015].

В какой мере наблюдаемые различия в рейтингах стран объясняются методологическими проблемами существующих индексов? Можно ли создать более универсальный индекс мягкой силы, который решит эти проблемы? Данная статья является попыткой

¹ Официальный сайт Королевского института Элькано. – Режим доступа: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/reports/elcano-global-presence-report-2022/> (дата посещения: 11.01.2024).

ответить на перечисленные вопросы, рассмотрев существующие индексы «мягкой силы» с точки зрения их согласованности в оценках для различных стран, структуры и весов.

Концептуализация «мягкой силы»

Понятие «мягкой силы» было предложено Джозефом Наем в 1990 г. [Nye, 1990]. Най писал, что сила, или власть, в контексте возможности контроля над другими людьми традиционно воспринимается как владение некоторым спектром ресурсов: от полезных ископаемых до военной мощи. Однако появление новых факторов, включая образование, технологии и экономический рост, отодвигает первичный набор показателей силы на второй план. Первично Най определяет «мягкую силу» как «аспект силы, возникающий тогда, когда одна страна заставляет другие страны хотеть того, чего она хочет» [Nye, 1990]. В таком определении «мягкая сила» приближается к концепции третьего лика власти по Стивену Льюксу: так, третий лик включает в определение власти не только наблюдаемые действия, проявляющиеся в контроле над решениями (первый лик), и создание ситуации непринятия решения (второй лик), но и способность формировать интересы и предпочтения людей [Lukes, 2005]. Различие понятий третьего лика и «мягкой силы» заключается в том, что «мягкая сила» фокусируется на форме влияния через привлечение и убеждение, будучи лишенной идеологического окраса, в то время как Льюкс подчеркивает, что третий лик власти предполагает влияние на предпочтения через именно идеологическую обработку [Lukes, 2007].

Образовательные программы и бизнес-сотрудничество появляются в современных работах в качестве новых ресурсов «мягкой силы» [McClory, 2010]. Предполагается, что программы академического обмена способны позитивно повлиять на репутацию принимающей студентов страны после их возвращения домой. Предприимчивость становится более сложным инструментом из-за опоры на экономические ресурсы, первично воспринимаемые как ресурсы именно «жесткой силы», однако такие показатели, как активное внедрение инноваций, конкуренция и низкий уровень коррупции влияют на привлекательность экономической модели страны для сотрудничества.

В противовес «мягкой силе» ставится «жесткая сила» – власть, опирающаяся на принуждение, а не на привлечение других акторов, двумя главными ресурсами которой являются военная мощь и экономические ограничения. Однако два вида силы не прямо противоположны друг другу, а, скорее, располагаются на некотором спектре, границами которого будут принуждение и привлечение [Nye, 2004]. Кроме того, в некоторых случаях и «жесткая сила» может стать привлекательной: это происходит, например, из-за создаваемого мифа непобедимости.

Значительная часть более поздних работ исследователей была посвящена поиску концептуальных границ между понятиями «мягкой» и «жесткой» сил и даже более поздних понятий «острой силы», «умной силы» и пр. (например, см.: [Knott et. al, 2017; McClory, 2010]). Такое разрастание понятийного аппарата неизбежно ведет к концептуальным искажениям изначально вкладываемого в концепцию смысла, из-за чего происходит отказ от первичных понятий в пользу других, более узконаправленных и не всегда корректных [Collier, Mahon, 1993]. Так, добавление новых категорий и аспектов в то или иное понятие не всегда означает достижение или приближение к концептуальной целостности и завершенности, а зачастую приводит к еще большим трудностям измерения и сравнения объектов в различных контекстах. Подобные искажения могут привести к значительной неопределенности относительно того, что мы можем отнести к исследуемому понятию, а что нет [Sartori, 1970]. Исследователи неоднократно критиковали понятие «мягкой силы» за попытку охватить все формы влияния (например, см. [Fan, 2008; Rothman, 2011]). По этой причине при анализе индексов мы опираемся на классическое, описанное выше определение Дж. Ная, оставляя за рамками работы более поздние теоретические новации, возникшие в ходе академической дискуссии.

Индексы «мягкой силы»

Первая попытка измерения «мягкой силы» была сделана британским аналитическим центром Institute for Government совместно с журналом Monocle. В результате их сотрудничества

был создан индекс The New Persuaders¹ (далее – TNP), который рассчитывался в 2010–2012 гг. и включал оценку от 26 до 40 стран в различные годы. Индекс учитывал «объективную и субъективную» стороны «мягкой силы», из-за чего считался на основании сочетания количественных и опросных данных в соотношении 7 к 3 [McClory, 2010]. Авторы индекса взяли за основу три упомянутых Наем категории ресурсов, способных производить «мягкую силу», и добавили к ним категории бизнеса и образования. Субъективная сторона «мягкой силы» рассчитывается исходя из экспертных оценок по следующим критериям: репутация посольств и дипломатов; привлекательность известных людей; качество государственных авиакомпаний; культура; кухня и международное политическое лидерство. Индекс TNP был первой попыткой измерения «мягкой силы» и поэтому, несмотря на ряд существующих вопросов к его конструированию, стоит отметить важность первого подхода к измерению «мягкой силы», многое из которого было использовано в дальнейших исследованиях.

Следующим шагом в измерении «мягкой силы» стал проект Ernst & Young и Центра Сколково Rapid-growth markets soft power index² (далее – RGM), в рамках которого был представлен индекс «мягкой силы» для 27 стран. Впрочем, RGM примечателен несколькими методологическими аспектами. Во-первых, этот индекс строился исключительно на количественных данных. Во-вторых, его операционализация «мягкой силы» заметно отличается от уже рассмотренного индекса TNP. Например, авторы разделили понятие «мягкой силы» на три категории, схожие в концептуальном плане с тремя элементами «мягкой силы» Ная: *global integrity* (отвечает за то, насколько страна «придерживается морального или этического кода»), *global integration* (связь страны с остальным миром) и *global image* (привлекательность и популярность, измеряемая в основном через экспорт различной продукции культурного или медиахарактера). Индекс был однократно рассчитан для периода с 2005 по 2010 г. и больше не обновлялся.

¹ The New Persuaders, London: Institute for Government // Institute for Government. – Mode of access: https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (accessed: 04.06.2023).

² Rapid-growth markets soft power index // Ernst & Young. – Mode of access: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf (accessed: 04.06.2023).

После непродолжительного затишья консалтинговое агентство Portland Communications предложило еще один индекс «мягкой силы» – Soft Power 30¹ (далее – SP30). Одним из авторов нового индекса был Джонатан Макклори, который также работал над индексом TNP, что предположительно объясняет их методологическую схожесть. Индекс SP30 также строится на концептуальном делении «мягкой силы» на объективную и субъективную составляющие, которые поддаются измерению через количественные данные и результаты международных опросов населения. Новизна SP30 заключалась во включении нового субиндекса, отвечающего за информационную открытость и доступность, а также в замене экспертных оценок социологическими опросами. Индекс был обнародован в 2015 г. и перестал обновляться после 2019 г. К его недостаткам можно отнести то, что он – как и другие – охватывал очень ограниченное количество стран (около тридцати).

В 2019 г. был опубликован очередной проект под названием Global Soft Power² (далее – GSP) от консалтингового агентства Brand Finance. Данный индекс представил уникальный способ измерения «мягкой силы»: он рассчитывается исключительно на основе данных, полученных в результате анализа опросов и экспертных оценок. Операционализация «мягкой силы» свелась авторами к выделению семи основных элементов измеряемого понятия, включая открытость к торговым отношениям, качество управления, международные отношения, культуру, медиа и коммуникации, образование и бизнес, а также категорию «люди и человеческие ценности». GSP публикуется до сих пор; кроме того, в этот раз удалось преодолеть ограничения географического охвата: в 2019 г. индекс представлял оценку по 60 странам, а в последнем обновлении количество государств увеличилось до 121.

¹ The soft power 30: A global ranking of soft power // Portland communications. – Mode of access: https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power_30.pdf (accessed: 04.06.2023).

² Global Soft Power Index // Brand Finance. – Mode of access: <https://brandirectory.com/softpower/> (accessed: 05.06.2023).

Таблица 1

**Хронологический и географический охват
индексов «мягкой силы»**

	TNP	RPG	SP30	GSP	EGSP
Годы издания	2010–2012	2005–2010	2015–2019	2019–2022	2010–2022
Количество стран в индексе	26–40	27	30	60–121	150

В данной статье мы также рассмотрим субиндекс Soft Presence индекса Elcano Global Presence Index¹ (далее – EGSP). Под «присутствием» (presence) подразумевается актив, который может быть трансформирован во власть, и индекс измеряет именно результаты этого присутствия (иными словами, эффекты власти). Индекс направлен на измерение эффектов власти в трех ее различных проявлениях: экономическом, военном и мягком. Индекс EGSP предлагает еще один вариант методологии: он рассчитывается с помощью исключительно количественных данных, однако веса для каждой переменной подобраны на основе экспертных опросов, которые авторы проекта проводят раз в несколько лет. Индекс обновляется ежегодно с 2010 г., и количество сравниваемых государств равно 150. В таблице 1 представлены краткие характеристики описанных выше индексов в табличном виде.

Из представленного выше описания источников данных можно заметить, что возникает ряд проблем для дальнейшего анализа индексов «мягкой силы». Во-первых, различные индексы были изданы в разные годы и их хронологические рамки практически не пересекаются друг с другом. Во-вторых, существует проблема узкого охвата стран, включенных в расчет индексов, что, в свою очередь, вызывает вопрос: по какому принципу отбираются страны для включения в индекс и почему остальные страны не были включены? Малая выборка стран косвенно может также свидетельствовать о том, что по каким-то причинам методология составления индекса не может быть применена ко всем странам. Кроме того, узкий охват стран затрудняет количественную оценку согласованности индексов. Самыми проблематичными для анализа

¹ Elcano Global Presence Index // Real Instituto Elcano. – Mode of access: <https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/> (accessed: 05.06.2023).

индексами являются TNP и RGM: годы издания индексов пересекаются лишь в один год и по оценкам для 15 стран, а сам индекс издавался более 10 лет назад, в связи с чем потерял свою актуальность для современных исследований. По этим причинам индексы TNP и RGM не будут использованы в дальнейших расчетах.

Валидность существующих индексов

Обзор существующих индексов «мягкой силы» дает основания для постановки вопроса о валидности индексов, поскольку все они различаются критериями измерения «мягкой силы», операционализируемыми переменными и используемой методологией.

Указанные различия в методологии и используемых данных различных индексов подтверждаются результатами расчетов коэффициентов корреляции. В таблице 2 представлен расчет коэффициентов корреляции Пирсона и ранговой корреляции Спирмена для различных индексов. Наиболее сильная линейная связь наблюдается у пары индексов GSP и EGSP ($r = 0,846$)¹. Корреляция индекса SP30 с индексом GSP ($r = 0,732$) и EGSP ($r = 0,548$) более низкая. В целом при исследовании валидности индексов минимальные требования к значениям коэффициентов корреляции высоки. Действительно, даже несмотря на различные способы измерения «мягкой силы», получаемые в итоге индексы должны иметь высокую корреляцию друг с другом, если они измеряют одно и то же явление. Исходя из этого мы делаем вывод, что индексы GSP и EGSP достаточно согласованы в оценках между собой, в то время как индекс SP30 значительно отличается в оценках от других индексов.

¹ Коэффициент ранговой корреляции Спирмена более пригоден для данных, в которых наблюдаются статистические выбросы. Таковые наблюдались в индексе EGSP, поэтому при интерпретации результатов в парах SP30 – EGSP, GSP – EGSP был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Таблица 2

**Расчет коэффициентов корреляции индексов
«мягкой силы»**

	SP30–GSP	SP30–EGSP	GSP–EGSP
Корреляция Пирсона	0.699 (30)	0.405 (150)	0.631 (280)
Ранговая корреляция Спирмена	0.732 (30)	0.548 (150)	0.846 (280)

Приведенные расчеты коэффициентов корреляции, однако, являются лишь предварительным шагом в исследовании валидности. Ведь даже если индексы показывают идентичные результаты, остается вероятность наличия концептуальных различий и методологических неточностей. Такая логика работает и в обратную сторону: даже если индексы слабо коррелированы, остается шанс, что один из них валидный; в таком случае получение неудовлетворительных корреляционных результатов будет ожидаемо. По этой причине важен анализ каждого отдельного индекса.

**Концептуализация «мягкой силы»
и содержательная валидность**

Индекс SP30 стремится охватить весь спектр ресурсов «мягкой силы». Сюда авторы включают как объективно измеряемые ресурсы, так и их субъективную оценку, которая строится на опросах общественного мнения [McClory, 2010]. Однако если принять во внимание компоненты индекса, то можно заметить, что он нацелен на измерение нескольких разных составляющих одновременно. Так, индекс включает в себя переменные, отражающие скорее эффекты, чем ресурсы: количество туристов, посещаемость музеев², что может приводить к смещенным оценкам. Мы полагаем, что кроме некорректно подобранных строгих индикаторов, результаты опросов

¹ В скобках указано количество наблюдений, по которым были рассчитаны коэффициенты корреляции.

² Здесь следует сделать оговорку относительно того, что упомянутые ресурсы лишь предположительно могут описывать тот или иной аспект «мягкой силы». Индикаторы, измеряющие разные аспекты сложного явления, требуют дальнейшей дискуссии и проведения более четкой границы между ними.

общественного мнения о тех или иных страновых особенностях (качество государственного управления, дружелюбность населения, культурная составляющая и т.д.) по сути своей отражают непосредственно уже произведенный «мягкой силой» эффект, а не ее ресурс.

Индекс GSP состоит целиком из результатов опросов общественного и экспертного мнения по следующим пунктам: открытость к экономическому сотрудничеству, качество внутреннего управления, включенность в международные отношения, культурное наследие, качество СМИ, качество образования, люди и ценности, устойчивость будущего. В целом количество используемых компонентов и столь расширенная операционализация «мягкой силы» допустима, так как противоречия с исходной концепцией не было допущено.

Индекс EGSP измеряет результаты силы, а не ее ресурсы или способы достижения. Переменные, на которых строится индекс, в большинстве своем также свидетельствуют об этом: в их число входит туристический поток, количество иностранных студентов, а также объем культурного экспорта, упоминание в иностранных СМИ и пр. Однако возникают сомнения относительно валидности переменных количества научных статей, количества олимпийских медалей, рейтинга сборной ФИФА, так как неясно, в какой мере подобные показатели отражают эффекты «мягкой силы». Скорее, их можно отнести к ресурсам: высокое число олимпийских медалей и научных статей, во-первых, привлекает внимание к стране как лидеру в научной и спортивной сферах, а во-вторых, способно вызвать международное признание и уважение, что является важным эффектом «мягкой силы».

Достоверность данных и их реплицируемость

Отдельного внимания при оценке валидности существующих индексов мягкой силы заслуживает достоверность используемых данных. Необходимо отметить важность предоставления открытого доступа к конечному массиву данных, используемому для расчета индекса. Наличие данных позволяет проводить исследования, касающиеся природы изучаемого явления, выявлять влияние отдельных переменных на конечный результат, изучать

особенности применяемого в индексе способа агрегирования переменных.

Каждый из субиндексов индекса SP30 состоит из нескольких переменных, количество которых варьируется от 5 до 16, а всего число переменных достигает 75¹, многие из которых требуют обсуждения. Во-первых, вызывают вопросы результаты опросов общественного мнения, проверить корректность проведения которых не представляется возможным. Во-вторых, проблемным является включение результатов других индексов (например, *Government Online Services Index*, *Environmental Performance Index*, *Corruption Perceptions Index Score*) в качестве компонентов индекса. Подобная практика чревата ростом доли шума в итоговом индексе и снижением его содержательной валидности. Не остается в стороне и вопрос о применимости используемых индексов с точки зрения валидности самих индексов, а также их способности отражать ресурсы «мягкой силы». Так, особенно спорным является включение индекса *Economist Democracy Index Score*. Наличие уровня демократии внутри индекса «мягкой силы» создает ситуацию, в которой страны, признаваемые коллективным Западом более демократичными, объявляются обладающими большим спектром ресурсов «мягкой силы». Такая закономерность актуализирует дискуссию о режимной предвзятости понятия «мягкой силы» [Keating, Kaczmarek, 2019]. Еще одним открытым вопросом остается выбор весов как для каждого субиндекса, так и для каждой переменной. Например, объективный и субъективный аспекты индекса включены в итоговую оценку в соотношении 65 к 35, однако это соотношение никак не обосновано авторами. Разработчики индекса указывают, с каким весом каждый субиндекс включен в итоговый индекс, однако нет никаких данных о весах для переменных, на которых строились субиндексы. Наконец, индекс SP30 не предоставляет итогового массива данных, указывая лишь источники для некоторых переменных.

В индексе GSP, который строится на результатах опросов общественного мнения, остается очевидной проблема корректности проведенных опросов и их результатов. Другой проблемой становится то, что авторы индекса не указывают информацию о

¹ В разные годы индекс подвергался модификациям – из него и удалялись, и добавлялись некоторые переменные.

способе агрегирования переменных; индекс также не предоставляет итоговую массу данных для валидации расчетов.

Индекс EGSP указывает источники данных для всех используемых компонентов, однако не предоставляет итоговую массу данных. Другой проблемой индекса EGSP является выбор весов для переменных: он осуществляется с помощью экспертных опросов, в результате которых оценивается важность каждого компонента. В этом контексте снова возникает вопрос валидности опросных данных. Результаты проведенного анализа в кратком виде представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Сводная таблица категорий валидности
для индексов «мягкой силы»**

	SP30	GSP	EGSP
Соответствие операционализации концептуализации, заявленной в индексе	–	+	–
Открытый доступ к используемому при составлении индекса массиву данных	–	–	–
Способ агрегирования данных в индексе представлен	–	–	+

Создание нового индекса «мягкой силы»

Проведенный анализ валидности основных индексов «мягкой силы» позволяет выделить следующие присущие им недостатки:

- смешение в одном индексе разных аспектов «мягкой силы», что затрудняет содержательную интерпретацию полученных значений;

- сомнительность используемых переменных в контексте их соответствия операционализации индекса;

- использование в качестве компонент индекса других индексов;

- ограничения хронологического и географического охвата.

Для того чтобы избежать вышеперечисленных проблем, в рамках данного исследования предлагается новый индекс, основанный на следующих предпосылках:

- индекс оценивает исключительно ресурсы «мягкой силы»;

- индекс не включает в качестве компонент другие индексы;

– в индексе не используются субъективные оценки ни в качестве переменных (как в SP30 и GSP), ни для выбора весов переменных (как в EGSP), будь то опросы общественного мнения или экспертные опросы.

Некоторые из вышеперечисленных пунктов требуют более развернутого пояснения. Во-первых, предлагаемый нами индекс стремится представить количественную оценку ресурсов «мягкой силы». В предшествующих исследованиях были предложены различные попытки операционализации эффектов «мягкой силы», которые в основном заключались в измерении отношения к государству через проведение опросов [Yun, Kim, 2008; Lee, 2008] или вовсе сводили «мягкую силу» к страновому брендингу [Knott, Fyall, Jones, 2017]¹. Оценка ресурсов с помощью количественных данных, напротив, представляется более обоснованным решением проблемы измерения «мягкой силы». В работах, касающихся проблемы измерения власти, неоднократно поднималась тема того, что измерение ресурсов – необходимый этап перед измерением эффектов, так как «выбор цели и выбор инструментов для достижения этой цели ограничены качеством и количеством доступных ресурсов» [Holsti, 1964]. Представление набора ресурсов и инструментов, способных производить «мягкое» влияние в виде единого индекса, может интерпретироваться как некоторый потенциал «мягкого» влияния или *потенциал «мягкой силы»*. При таком подходе оценивается, насколько государство располагает «мягкими» ресурсами влияния, где под «мягкими» ресурсами подразумеваются ресурсы, *способные создавать среду для добровольного сотрудничества*.

В рассмотренных в данной работе индексах часто наблюдалось расширение исходной концепции ресурсов «мягкой силы» до новых компонентов, среди которых были возможности для бизнес-сотрудничества, качество образования и тому подобные. Также легко заметить, что выбранные компоненты были схожи в каждом индексе. Такое деление отражает некоторую типологизацию *видов ресурсов*: компоненты остаются неизменными, а переменные отличаются по их способности отражать возможность влияния или непосредственно само влияние.

¹ Например, в работе [Fay, 2008] отстаивается мысль о том, что национальный брендинг – это ресурс «мягкой силы».

При разработке нового индекса мы, однако, опираемся на исходную концептуализацию ресурсов «мягкой силы», описанной Наем: «мягкая сила» государства в основном основывается на трех ресурсах: культура, политические ценности, внешняя политика» [Nye, 2004]. Из предложенных Наем трех столпов ресурсов предлагается исключить категорию политических ценностей. В рассмотренных в данной работе индексах политические ценности операционализируются через такие переменные, как размер теневой экономики, процент самоубийств, а также через иные политические индексы, например индексы от Freedom House, Economist Democracy Index, Press Freedom. Однако использование переменных, так или иначе измеряющих качество государственного управления и государственных институтов, приводит к проблеме, когда «мягкая сила» смешивается с иными политическими категориями, в частности, с демократией или государственной состоятельностью. Во избежание подобной концептной натяжки мы делим ресурсы «мягкой силы» на два измерения: категорию *формируемого страной образа* и оценку ее *дипломатической вовлеченности*.

Формируемый страной образ представляет более инструментальную категорию культурного элемента «мягкой силы». Создание успешного образа или представление страны в качестве лидера в различных культурных сферах способно сформировать благоприятное впечатление и, как следствие, побудить к сотрудничеству [Vuving, 2009]. Для оценки успешности страны мы предлагаем включить следующие переменные:

- количество нобелевских лауреатов¹;
- количество медалей, выигранных на последних летних и зимних Олимпийских играх²;
- процент населения, у которого есть свободный доступ к интернету³.

Предложенные переменные могут в достаточно полной мере отразить различные категории образа государства: спортивное лидерство, научное лидерство. Переменная, измеряющая процент

¹ All Nobel Prizes // The Nobel Prize. – Mode of access: <https://www.nobelprize.org/prizes/lists/all-nobel-prizes/> (accessed: 20.05.2023).

² Olympic Games // Olympics. – Mode of access: <https://olympics.com/en/> (accessed: 20.05.2023).

³ Individuals using the Internet (% of population) // The World Bank. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS> (accessed: 21.05.2023).

населения со свободным доступом к интернету, важна потому, что доступ к интернету отвечает за формирование образа этой страны среди жителей остальных стран, а также является некоторым срезом для измерения минимального уровня технологической обеспеченности [Anguelov, Kaschel, 2017].

Следующая группа ресурсов стремится отразить вовлеченность страны в дипломатические отношения. Международная активность, способность помогать остальным странам и открытость к сотрудничеству являются другим измерением потенциальных ресурсов «мягкой силы» [Vuving, 2009]. В качестве переменных мы предлагаем следующие:

- официальная помощь развивающимся странам¹;
- сила паспорта²;
- официальное дипломатическое представительство в других странах (на основе массива данных Diplomatic Representation Dataset³).

В соответствии с вышеупомянутыми переменными был собран массив данных для 163 стран за период 2015–2020 гг. Индекс строился с помощью метода главных компонент – метода снижения размерности входного массива данных с условием сохранения максимальной информативности признакового пространства меньшей размерности. Главные компоненты представляют собой линейные комбинации исходных переменных, при этом первая главная компонента всегда содержит наибольшую информацию, т.е. наибольшую долю суммарной дисперсии исходных признаков. Для построения индекса с помощью метода главных компонент берутся значения первой главной компоненты в качестве весов для переменных.

Полученный индекс потенциала «мягкой силы» состоит из двух субиндексов: *субиндекса образа страны* и *субиндекса дипломатической вовлеченности*. Десятка стран-лидеров в результате расчета индекса для 2020 г. представлена в таблице 4, полный

¹ Official Development Assistance // OECD data. – Mode of access: <https://data.oecd.org/oda/net-oda.htm> (accessed: 25.05.2023).

² Global Passport Ranking // Henley & Partners. – Mode of access: <https://www.henleyglobal.com/passport-index/ranking> (accessed: 25.05.2023).

³ Diplomatic Representation // Frederick S. Pardee Center for International Futures. – Mode of access: <https://korbel.du.edu/pardee> (accessed: 18.07.2023).

индекс для 2020 г. представлен в приложении 1, веса для субиндексов и вошедших в них переменных – в приложении 2.

Таблица 4

**Страны-лидеры в индексе потенциала
«мягкой силы» за 2020 г.**

	Страна	Индекс образа	Индекс вовлеченности	Индекс потенциала «мягкой силы»
1	США	10.00	9.80	10.00
2	Великобритания	5.8	7.37	5.90
3	Германия	2.71	8.96	4.89
4	Япония	3.9	6.13	4.15
5	Франция	2.67	6.81	4.12
6	Китай	3.36	3.22	3.32
7	Россия	2.80	3.13	2.92
8	Канада	1.96	3.89	2.63
9	Италия	1.61	4.31	2.55
10	Нидерланды	1.57	4.12	2.45

Заключение

Несмотря на разнообразие существующих индексов «мягкой силы», их валидность до сих пор не была систематически изучена, что являлось существенным ограничением на пути к их практическому применению в сравнительных эмпирических исследованиях. Проведенный в данной работе анализ валидности показывают, что существующие индексы характеризуются рядом проблем, среди которых можно выделить неизвестный или необоснованный выбор способа агрегирования данных, несоответствие прокси-переменных концептуализации измеряемого понятия, а также включение в анализ опросных данных.

С учетом обнаруженных проблем в данной работе были сформулированы и опробованы способы их преодоления. Это, в первую очередь, измерение только ресурсов «мягкой силы», опора на строгую концептуализацию, отказ от использования субъективных данных и использование метода главных компонент для более методологически обоснованного определения итоговых весов. Данная работа показывает, как может выглядеть более валидный индекс; при этом набор используемых прокси-переменных открыт для дальнейшего обсуждения и уточнения.

P.A. Grinevich, A.P. Bocharova, D.K. Stukal*
The validity of soft power indices: from challenges to solutions¹

Abstract. The potential of a state in developing its “soft power” is an important component in assessing its state capacity. A nation’s “soft power” not only refers to its external attractiveness and informal influence on decisions made by other international actors, but also serves as an important indicator of a country’s potential to affect the formation of a more favorable external environment. The validity of “soft power” indices has not so far been thoroughly studied. This gap poses a significant limitation to practical applications of these indices in comparative empirical research. We fill this gap by conducting the validity analysis and showing that existing “soft power” indices present a number of challenges, including an unknown or unjustified choice of data aggregation method, inconsistency in the conceptualization of proxy variables, and the inclusion of survey results of public opinion and expert surveys in the analysis. This study introduces and tests some ways to overcome the identified problems. These include measuring only the resources of “soft power”, relying on a rigorous conceptual framework, refraining from using subjective data, and employing the principal component method for a more methodologically sound selection of the final weights. This work provides an example of how a more valid index could be developed, though the choice of both proxy variables and possible measurements of “soft power” still requires further empirical research.

Keywords: “soft power”; “soft power” indices; the method of principal components; the validity of indices; state solvency; “soft power” resources.

For citation: Grinevich P.A., Bocharova A.P., Stukal D.K. The validity of soft power indices: from challenges to solutions. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 262–281. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.13>

References

- Anguelov N., Kaschel T. Toward quantifying soft power: the impact of the proliferation of information technology on governance in the Middle East. *Palgrave communications*. 2017, Vol. 3, N 1, P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1057/palcomms.2017.16>
- Collier D., Mahon J.E. Conceptual «stretching» revisited: adapting categories in comparative analysis. *American political science review*. 1993, Vol. 87, N 4, P. 845–855. DOI: <https://doi.org/10.2307/2938818>

* **Grinevich Polina**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: paginevich@edu.hse.ru; **Bocharova Alexandra**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: apbocharova@hse.ru; **Stukal Denis**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: dstukal@hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

- Fan Y. Soft power: power of attraction or confusion? *Place branding and public diplomacy*. 2008, Vol. 4, N 2, P. 147–158. DOI: <https://doi.org/10.1057/pb.2008.4>
- Gallarotti G. How to measure soft power in international relations (Chugrov S., Trans.). *Polis. Political studies*. 2020, N 1, P. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.07> (In Russ.)
- Hall T. An unclear attraction: a critical examination of soft power as an analytical category. *The Chinese journal of international politics*. 2010, Vol. 3, N 2, P. 189–211. DOI: <https://www.jstor.org/stable/48615744>
- Holsti K.J. The concept of power in the study of international relations. *Background*. 1964, Vol. 7, N 4, P. 179–194. DOI: <https://doi.org/10.2307/3013644>
- Keating V. C., Kaczmarek K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the ‘hidden’ attraction of Russia. *Journal of international relations and development*. 2019, Vol. 22, N 1, P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>
- Kharitonova E. Soft Power Effectiveness: Problem of Evaluation. *World economy and international relations*. 2015, N 6, P. 48–58. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-6-48-58> (In Russ.)
- Knott B., Fyall A., Jones I. Sport mega-events and nation branding: Unique characteristics of the 2010 FIFA World Cup, South Africa. *International journal of contemporary hospitality management*. 2017, Vol. 29, N 3, P. 900–923. DOI: <https://doi.org/10.1108/ijchm-09-2015-0523>
- Lee J.N. The rise of China and soft power: China's soft power influence in Korea. *China review*. 2008, Vol. 8, N 1, P. 127–154. DOI: <http://www.jstor.org/stable/23462264>
- Li E. The rise and fall of soft power. *Foreign policy*. 2018. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2018/08/20/the-rise-and-fall-of-soft-power/> (accessed: 18.09.2023).
- Lukes S. Power and the battle for hearts and minds. *Millennium*. 2005, Vol. 33, N 3, P. 477–493. DOI: <https://doi.org/10.1177/03058298050330031201>
- Lukes S. *Power: a radical view*. London: Palgrave Macmillan, 2005, 201 p.
- McClory J. *The New Persuaders*. London: Institute for Government, 2010, 15 p.
- Nye J.S. Soft power. *Foreign policy*. 1990, N 80, P. 153–171. DOI: <https://doi.org/10.2307/1148580>
- Nye Jr J.S. Soft power: The means to success in world politics. N.Y.: *Public affairs*, 2004. – 192 p.
- Nye J.S. Public diplomacy and soft power. *The Annals of the American academy of political and social science*. 2008, Vol. 616, P. 94–109.
- Rothman S.B. Revising the soft power concept: what are the means and mechanisms of soft power? *Journal of political power*. 2011, Vol. 4, N 1, P. 49–64. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379x.2011.556346>
- Rusakova O.F. (ed.). *Soft power: theory, resources, discourse*. Yekaterinburg: Publishing House “Discourse-Pi”, 2015, 376 p. (In Russ.)
- Sartori G. Concept misformation in comparative politics. *American political science review*. 1970, Vol. 64, N 4, P. 1033–1053. DOI: <https://doi.org/10.2307/1958356>
- Vuving A. How soft power works. *SSRN electronic journal*. 2009. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1466220>

Yun S.H., Kim J.N. Soft power: from ethnic attraction to national attraction in sociological globalism. *International journal of intercultural relations*. 2008, Vol. 32, N 6, P. 565–577. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2008.09.001>

Литература на русском языке

Галларотти Г.М. Как измерять мягкую силу в международных отношениях // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 89–103. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.07>

Харитонова Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 48–58. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-6-48-58>

Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1
Рейтинг стран по индексу «мягкой силы» за 2020 г.¹

Таблица 2
Веса для субиндексов и отдельных переменных
в индексе «мягкой силы»

Субиндекс / переменная	Вес в итоговом индексе
Индекс образа	0.71
Индекс вовлеченности	0.7
Нобелевские лауреаты	0.64
Количество олимпийских медалей	0.67
Процент населения с доступом к интернету	0.38
Официальная помощь развивающимся странам	0.61
Сила паспорта	0.51
Официальное дипломатическое представительство	0.61

¹ Grinevich P., Bocharova A., Stukal D. Replication Data for: “The validity of soft power indices: from challenges to solutions” // Harvard Dataverse, Vol. 1. – 2024. – DOI: <https://doi.org/10.7910/DVN/7IP8NQ>